

САРА ЛИНДСЕЙ

ЛЮБОВНИК
НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Л59

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Sara Lindsey

A ROGUE FOR ALL SEASONS

Перевод с английского А. Е. Мосейченко

Компьютерный дизайн С. П. Озеровой

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств InkWell Management и Synopsis.

Линдсей, Сара.

Л59 Любownik на все времена : роман / Сара Линдсей ; [пер. с англ. А. Е. Мосейченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-093912-1

Замкнутая, тихая Диана Мерриуэзер, не слишком избалованная вниманием, крайне удивилась, когда красавец, повеса и светский лев Генри Уэстон, предмет обожания дам и зависти мужчин, предложил себя в роли галантного кавалера, однако не могла не согласиться. Но очень скоро события приняли неожиданный оборот: Генри, очарованный умом Дианы и сильным, независимым характером, влюбился по-настоящему, пылко, страстно и неистово. Как же ему убедить девушку, что их отношения больше не игра и он никогда не будет счастлив без любви?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Sara Lindsey, 2013

© Перевод, А. Е. Мосейченко, 2014

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-093912-1

Пролог

*Суффолк, Англия
Февраль 1784 года*

Для своих восьми лет Диана Мерриуэзер умела отлично играть в прятки. Она могла спрятаться где угодно — в пустом буфете, за плотной шторой, за любой подходящей мебелью. Сегодня она укрылась под широким столом в библиотеке. Диана обожала прятаться, но не меньшую радость ей доставлял сам момент обнаружения.

Ее родители ловко подыгрывали дочери. Они любили искать ее, громко выкрикивая ее имя. Мама отдергивала шторы, а папа заглядывал под кровати и открывал дверцы шкафов. Нянька Дианы считала прятки глупой и бессмысленной игрой, и не без основания, — зачем ползать на коленях, утруждая себя поисками спрятавшейся девочки, когда голод или скука рано или поздно выгонят ее из укрытия. Нет, нянька не любила игру в прятки, к тому же она уже состарилась и ходила, похрапывая, вперевалочку. Кроме того, у нее на руках был маленький Александр, младший брат Дианы.

В Суоллоусдейле нашлось бы немного мест, где можно прятаться. На конюшне, как твердо заявил папа, подстерегали опасности, а прятаться в парке строго-настрою запретила мама после одного случая, когда Диана заблудилась в лесу, примыкавшем к парку. Другое дело Халсвелл-

холл, где жили ее дедушка и бабушка. Вот где настоящее раздолье для игры в прятки! Диана была там всего лишь раз, и ей там очень понравилось. Громадный и просторный Халсвелл-холл напоминал настоящий дворец. Когда Диана с восторгом сказала об этом, бабушка объяснила ей, что в этом нет ничего удивительного, так как герцоги по своему положению стоят всего лишь на одну ступеньку ниже королей. Дедушка и бабушка побывали в Суоллоусдейле лишь однажды, когда родился Алекс, обычно они посылали за мамой с просьбой навестить их.

Диана насторожилась, услышав треск гравия под колесами подъезжавшего экипажа. Папа ничего не говорил о каких-нибудь гостях. Неужели это вернулась мама? Она уехала в Холл почти две недели тому назад — заболел герцог. Он и его жена, герцогиня, болели довольно часто и на всякий случай всегда посылали за мамой. Что это за такой случай, Диана не могла сказать, но ей было обидно, поскольку это происходило слишком часто. Ей нравилось, когда они все вместе были дома. Если мама уезжала, папа ворчал и сердился, ее отъезды явно его раздражали.

Когда на лестнице послышались тяжелые шаги отца, Диана подумала: а не пора ли ей выбираться из своего потаенного места. Но ее могли заметить из вестибюля, и это никак не обрадовало бы папу, считавшего, что она в это время читает у себя в детской. Диана затаила дыхание, когда до ее ушей донесся предательский скрип дверей. Папа давно обещал распорядиться, чтобы починили рассохшиеся двери и притолоку, однако так и не удосужился выполнить обещание: дела на конюшне отнимали у него все свободное время.

— Посланный тобой слуга передал, чтобы я немедленно возвращалась домой.

Услышав мамин голос, Диана дернулась было навстречу, но необычная напряженная интонация удержала ее на месте.

— С детьми все в порядке? Они здоровы?

— Да, да, здоровы, — раздраженно бросил отец, — сколько можно повторять.

Явная злость в его голосе больно царапнула Диану по сердцу. Тяжелое предчувствие охватило ее.

— Ох, как ты меня напугал, — укоризненно воскликнула мама. — Я так переволновалась. Думала, что-то случилось с Алексом или Дианой, или с тобой...

— Со мной? Неужели ты стала бы волноваться, если бы со мной что-нибудь случилось?

— Что за нелепый вопрос? — удивилась мама.

— Почему же нелепый? — желчно спросил отец. — Тебя так часто не бывает дома, что я порой удивляюсь, о ком ты волнуешься больше, и чье здоровье вызывает у тебя большую тревогу.

Разговор на повышенных тонах приобретал угрожающий оттенок. Диане хотелось выскочить из укрытия и сделать так, чтобы исчезла эта противная напряженность между родителями: пусть они выйдут на минуту из библиотеки, потом опять зайдут и поищут, где она спряталась. Найдя ее под столом, папа рассмеется и, назвав ее умницей, похвалит, а мама притворно жалобным голосом возразит, что не стоит так баловать ребенка, но по ее улыбке будет видно, что она согласна с папой и так же рада, как и он.

— Не это ли явилось той самой причиной, из-за которой ты потребовал моего срочного возвращения? — язвительно спросила мама, также начинавшая сердиться. — Я знаю, ты не питаешь особой любви к моим родителям, но я же не укоряю тебя из-за этого. Каждый из нас волен и в своих симпатиях и в своей неприязни. Ты знаешь, почему я уезжаю. Сколько раз можно ссориться по этому поводу? Зачем было так меня пугать, к чему опять затевать этот бессмысленный разговор? Боже мой, я вернулась бы дня через два.

«Неправда», — хотелось крикнуть Диане, но она сдержалась, не желая выдавать свое присутствие родителям,

которым сейчас явно было не до игры в прятки. Разговор между ними перешел в ссору. Покрепче обхватив колени и положив на них голову, Диана сжалась в комок, терпеливо дожидаясь окончания разговора, чтобы потом ускользнуть в детскую.

— Нет, я послал за тобой не поэтому, — сердито сказал папа. — Но прежде чем я назову подлинную причину, может, ты сама захочешь кое в чем признаться? Нет ли между нами нечто такого, о чем мне следовало бы знать?

— Не понимаю, к чему ты клонишь. Да, Холл никак нельзя назвать достаточно веселым местом...

— Что я слышу? Холл не слишком веселое место для прелюбодеяния? Черт побери, Линнет, если ты хочешь наставить мне рога, не могла бы ты выбрать себе любовника поумнее? Он прислал сюда сорочку, которую ты оставила.

Прелюбодеяние — это слово Диана слышала и прежде. Судя по всему, этим словом обозначался такой поступок, о котором викарий в своих воскресных проповедях говорил, как о чем-то стыдном и дурном. Но как это связано с мамой?

— Как ты смеешь?

В комнате раздался звук пощечины.

— Не распускай руки, — строго произнес папа. — Не надо вести себя подобно оскорбленной жене, ведь мне известно о том, что ты провела несколько дней под крышей дома Пекфорда. Обычно я не читаю чужих писем, но тут мне стало интересно, почему Пекфорд послал человека с пакетом для тебя. Вообрази мое удивление, когда, развернув пакет, я обнаружил там твою сорочку. Не знаю, зачем я еще читал приложенное письмо, такой уж я дурак, видимо, надеялся найти там объяснение этому недоразумению.

Диана услышала шелест разворачиваемой бумаги.

— И вот что я прочитал: «... ваше пребывание в моем доме доставило мне неизъяснимое наслаждение, хотя, боюсь, вам не удалось как следует выспаться... »

* * *

— Ты действительно глупец. Я вместе с мамой поехала обедать к Фолкемам. А когда мы там гостили, погода резко испортилась. Мама разволновалась, и Малкольм, как радушный хозяин, предложил нам переночевать. Разразилась снежная буря, и мы застряли на два дня. И мне некогда было строить глазки хозяину, я ухаживала за его заболевшей теткой, так как из-за разыгравшейся бури врач никак не мог добраться до поместья Фолкема. Моя сорочка стала потной и грязной, потому что я всю ночь просидела рядом с больной. Ее пришлось постирать, а одна из служанок одолжила мне чистую. Разумеется, в суматохе я забыла о своей сорочке. Странно, почему он прислал сорочку не в Холл, а сюда.

— Очевидно, ты настолько вскружила ему голову, что из нее напрочь вылетело благоразумие. Хотя, должен признаться, твое объяснение выглядит очень правдоподобно. В нем есть только один недочет. Если ваш визит был, как ты уверяешь, таким скучным и невинным, то почему в таком случае ты ни словом не обмолвилась о нем?

— Да потому что боялась, что ты закатаешь мне сцену ревности, какую и устроил мне сейчас. Как видишь, я оказалась права. Тем не менее я готова простить тебя, если ты станешь передо мной на колени и попросишь прощения. Хотя если какая-нибудь дама придет к нам в дом предметы твоего нижнего белья, то я не знаю, кого первым из вас убью, — рассмеялась мама. А потом в воздухе повисла долгая гнетущая тишина, которую прервал испуганный мамин шепот.

— Боже мой, неужели ты мне не веришь?

— Не в первый раз ты и Пекфорд спите под одной крышей. Припоминаю, как-то раз в декабре ты, будучи в гостях у своих родителей, проговорила в письме, что Пекфорд остался ночевать. Ты сама выдала себя.

— Малкольм живет по соседству с родителями, он регулярно у них обедает. В тот раз бедняга выпил слишком

много и был не в состоянии верхом отправиться к себе домой. А Холл достаточно вместителен для того, чтобы приютить еще одного человека.

— В отличие от нашего дома, не так ли? — Папа горько рассмеялся. — Я всегда знал, что этот дом для тебя не очень хорош, как и я сам. Я пробовал закрывать на все это глаза, старался как мог, но жить так дальше у меня больше нет сил. Да, я сумел похитить тебя, как Аид похитил Персефону, но не смог удержать. И не мог бы удержать — почему я не понял этого раньше.

— Что за чепуху ты несешь! Или ты опять выпил лишнего? Я всегда буду рядом с тобой. Ты же знаешь, я не очень люблю те увеселения, сопровождаемые танцами, которые устраивают мои родители. Но я бываю там на радость родителям, поскольку забочусь о будущем наших детей. Неужели ты не видишь, что я с большей охотой оставалась бы дома с тобой? Твое положение в свете никогда не играло для меня особой роли. Будь ты простым торговцем, я все равно полюбила бы тебя... Ты всегда так переживал из-за того, что был внебрачным ребенком, но ведь это дело случая. И сейчас это не является оправданием для твоего столь оскорбительного поведения.

Папа опять буркнул то самое плохое слово.

— А когда ты намеревалась сообщить о том, что ждешь ребенка? Я знаю, ты беременна. И не думай отпираться!

— А я и не собираюсь отпираться, — горячо возразила мама. — Я хотела сообщить тебе об этом до моего отъезда, но решила немного обождать, чтобы быть совершенно уверенной. Я не ощущала никакого недомогания, и кроме того... — ее голос дрогнул, — раньше мы всегда так расстраивались, если наши ожидания не оправдывались. Я подумала... мне казалось, ты будешь этому рад.

У мамы должен появиться еще один ребенок? Диана замерла — неужели у нее скоро будет сестричка. Она любила Алекса, но сестричка — это совсем другое дело...

— Рад? — закричал папа. — Ты думала, я буду этому рад?

Что-то со страшным шумом ударилось о стену и разбилось.

— Томас! Эта ваза — свадебный подарок принца Уэльского, — жалобно воскликнула мама.

— Да, и она разбита вдребезги, точно так же, как и мое доверие. Точно так же, как наш брак. Боже, ты даже не представляешь, каково мне сейчас!

Почему папа такой противный? Ведь это была любимая ваза Дианы, и он знал об этом. С какой осторожностью она всегда подходила к ней, чтобы полюбоваться.

— Как ты можешь так говорить? — прошептала мама. — Неужели ты разлюбил меня?

— Разве можно тебя разлюбить? — грустно и тихо произнес папа, настолько тихо, что Диана невольно напрягла слух, чтобы расслышать то, что он говорил. — Я полюбил тебя сразу, с первого взгляда. Помнишь ту ночь, когда ты прокралась на конюшню, чтобы ухаживать за родившимся жеребенком. Я влюбился в тебя по уши и окончательно потерял голову. Но Бог поможет мне, даже понимая, что сейчас делаю, я все равно люблю тебя и буду любить до конца жизни.

— Если бы ты любил меня, ты поверил бы мне! — Голос у мамы задрожал, в нем слышались слезы. Диана едва не заплакала, так ей стало жалко маму. Она прижала передник к лицу, чтобы родители не услышали ее тяжелого печального вздоха.

— Я тебя не узнаю. — Мама говорила медленно. — Сейчас рядом со мной стоит незнакомый, чужой мне человек. Ты не мой Томас. Ты не тот человек, за которого я вышла замуж, ты не отец моих детей... — голос мамы дрогнул, — ... ты не тот, кого я люблю. Не ты, а он — отец этого ребенка. Я не знаю, кто ты. Я немедленно уезжаю в Холл. И не вернусь. Мне жаль тебя, когда-нибудь ты поймешь, как глупо вел себя.

— И я не узнаю тебя. Ты говоришь, что любишь меня, возможно, так оно и было, когда мы поженились. А теперь при первой же размолвке бежишь к своим родителям, а они обращаются с тобой, как с прислугой. Они не простили тебя, Линнет, и никогда не простят. Им нужен только Алекс.

— Я не идиотка и лучше тебя понимаю недостатки моих родителей. Но теперь мне хорошо видно, как они были правы, рассердившись на меня за этот брак. Неужели ты не понимаешь, что сейчас ты играешь им на руку. Ты сама толкаешь к ним и меня, и детей.

— Диана и Алекс останутся со мной. Я не хочу, чтобы они воспитывались в гробнице былых богатств и привилегий.

— О, конечно, гораздо лучше, если Диана будет воспитываться здесь на конюшне. Кем она станет, когда вырастет? Не леди, а какой-то цирковой наездницей? Нравится тебе или нет, но Алекс второй среди наследников на титул герцога. Эта гробница богатств и привилегий со временем, очень возможно, будет принадлежать ему. Неужели ты хочешь лишить наших детей тех прав, которые они получили при рождении?

— Ради их счастья я готов на что угодно, — с досадой воскликнул папа.

— В таком случае есть надежда, что еще не все потеряно. Несмотря на помрачение рассудка, ты еще способен здраво рассуждать...

В воздухе повисла тишина.

— Согласен, будет лучше, если Диана останется у тебя. Но ты должна порвать с Пекфордом. Я не хочу, чтобы он отирался возле моих детей. Я оставляю себе Алекса...

— Сколько можно повторять: я никогда не была вместе с ним!

Мама расплакалась. Диана тихонько заплакала в один голос с ней. Она не сомневалась, что папа и мама, услышав подозрительные звуки, вскоре обнаружат ее. Но

Диане уже было все равно. Мама покидала их и забирала ее с собой, а папе... папе она безразлична. Ему нужен только Алекс.

— Иногда я так злюсь на моих родителей, что мне хочется никогда больше их не видеть. Но как бы сильно ни ругалась с ними, я всегда знала, что им нужно от меня. — Мама гнусавила, словно у нее был насморк. — Я не в силах понять, почему ты мне не веришь. Раньше я не понимала, как это можно одновременно любить и ненавидеть одного и того же человека. Теперь понимаю.

— То же самое я могу сказать и о себе. — В голосе папы было столько холодной злости, что Диана не верила своим ушам. — Оставайся ночевать, а завтра...

— Нет! — закричала Диана, выскакивая из-под стола. — Нет, нет, нет!

Она не помнила себя от чувства горечи и обиды. Она топала ногами и размахивала руками, словно пытаясь отогнать все плохое.

— Диана, — испуганно воскликнула побледневшая мама, делая к дочери шаг или два.

Диана закричала так громко, как только могла. Лишь бы больше не слышать ни папу, ни маму, ничего из того плохого, что они говорили. Она кричала так, что грудь и сердце разрывались от напряжения.

Перед ее затуманенными от слез глазами виднелось испуганное мамино лицо.

— Ну, хватит, хватит, дорогая. Зачем так надрывать-ся. — Мама протянула к ней руку.

Диана отпрянула назад.

— Не притрагивайся ко мне!

— Диана, любимая, — на помощь к маме пришел папа.

— Не называй меня так, — громко зарыдала Диана. —

Ты меня не любишь.

— Не говори так...

— Не любишь, — сердито крикнула Диана. — Ты любишь только Алекса! Ненавижу, ненавижу, ненавижу тебя!

Не помня себя от ярости, она с диким воплем смахнула все, что лежало на столе отца — бумаги, книги, чернильницу. Все с грохотом полетело на пол. Воспользовавшись возникшим замешательством, Диана выскочила из библиотеки и, не останавливаясь, выбежала на крыльцо и устремилась в холодную ночную темноту.

Она слышала голоса родителей за своей спиной, они окликали ее по имени, но Диана не обращала на них внимания. Когда она почувствовала, что ее догоняет отец, она рванулась и побежала еще быстрее. Она бежала, бежала, а слезы все текли и текли по ее лицу. Диана почему-то твердо считала: если убежать далеко-далеко, то она обязательно окажется в тихом, укромном месте, где все плохое никогда не сможет ее найти...

Глава 1

«Теперь после того, как ты и Оливия счастливо вышли замуж, мне можно сосредоточить все свое внимание на вашем брате. Я надеялась, и возможно, вы об этом догадывались, что он и мисс Мерриуэзер подойдут друг другу. Я знаю, вы считаете ее тихой и замкнутой, но вашему непутевому брату нужна женщина с сильным и ровным характером, которая сквозь пальцы посмотрит на его внешность и обаяние и за ними увидит того настоящего мужчину, каким он может стать. Я надеялась, что они поближе познакомятся друг с другом во время бала, но мне следовало бы уже давно понять, что он искоса смотрит на любую женщину, с которой его хочет познакомить мать. А ведь я только и делаю, что постоянно пытаюсь устроить его счастье. О, как верно писал Шекспир: «Неблагодарность ребенка жалит больше змеи».

*Из письма виконтессы Уэстон
к ее дочери графине Данстон.*

*Шестнадцать лет спустя
Лондон*

— Ты действительно остаешься в городе на весь сезон? — спросила брата Изабелла, графиня Данстон, подавая ему чашку чая. — А я-то грешным делом полагала, что присутствие в городе всей семьи заставит тебя дать отсюда деру.

— Иззи, на всякий случай у меня всегда наготове сак-воаж, чтобы потихоньку улизнуть из города. — Генри Уэстон с улыбкой посмотрел на сестру. — Или таким образом ты деликатно намекаешь, что мне пора и честь знать? Может быть, я слегка поднадоел тебе, учитывая то, как часто я посещал твою столовую, пока ты не вышла замуж за моего старинного приятеля?

Изабелла рассмеялась, но смех вышел натянутым. Джеймс Шеффилд, граф Данстон, ее муж и приятель брата, нахмурился и отложил в сторону утреннюю газету.

— Готов биться об заклад, что ты приходил поесть, а не ради компании. — Он нежно взял жену за руку и обменялся с ней не менее нежным взглядом. От этого приторного зрелища Генри закатил глаза.

— Хэл, запомни, я всегда рада видеть тебя. Более того, признаюсь, я даже просила Джеймса убедить тебя пожить у нас. Теперь после ремонта в нашем доме стало намного уютнее, чем в твоём холостяцком жилище. Однако...

— Однако, — перебил ее Джеймс, — я убедил твою сестру, что ее великодушие в данном случае неуместно.

— Джеймс, — возмутилась Изабелла.

Генри усмехнулся:

— Иззи, не переживай так, он совершенно прав. Вспомни известное изречение: «Где двое, третий лишний». Поверь, я не собираюсь садиться вам... м-м...

— На голову, — подсказал Джеймс.

— Знаешь, кажется, мы что-то очень долго не бокси-ровали на ринге в клубе Джексона. Я обещал сестре закрыть глаза на то, что ты соблазнил ее, но желание как следует вздуть тебя меня еще не покинуло.

— Выбрось эти глупости из головы, — строго предупредила его Изабелла. — Кроме того, запомни на будущее: это не он, а я соблазнила его.

Генри и Джеймс одновременно издали горестный стон.

— Тише, тише, моя любовь, — взмолился Джеймс. — Только не порти мне репутацию.

— Не болтай чепуху, — отрезала Изабелла. — Конечно, ты должен заботиться о своей репутации, только не о прежней, а о теперешней. Тебе следует продемонстрировать всем, какой ты верный муж и любящий отец.

— Вот-вот, — подхватил Генри. — А на тот случай, если он собьется с верного пути, разреши мне, сестричка, послать его в нокаут.

— Если он собьется с пути, тогда ты и займешься им, вернее тем, что останется от него после того, как я сама разберусь с ним. — Она решительно тряхнула головой, так что ее светлые локоны слегка развилась.

Джеймс поморщился:

— Тебе не о чем беспокоиться, моя дорогая кровожадная жenuшка.

— В таком случае и тебе тоже. — Губы Изабеллы насмешливо изогнулись.

— Думаю, у вас обоих есть более серьезный повод для беспокойства. Ни для кого не секрет, что мама хочет устроить на своем балу представление, на котором вы выступите в главной роли, — съязвил Генри. Предстоящий бал его нисколько не интересовал, в конце концов, не он был виновником намечавшегося торжества. Эту почетную и обременительную обязанность Изабелла и Джеймс должны были разделить с Оливией, другой сестрой Генри, и ее мужем. За последние два года две его сестры вышли замуж, и у Генри появилось не только два зятя, но вскоре еще и две племянницы.

Изабелла подмигнула брату и не без ехидства заметила:

— Полагаю, волноваться предстоит не только нам, но и еще кое-кому.

— Что ты имеешь в виду?

Изабелла шумно вздохнула:

— Господи, неужели ты так еще ничего и не понял? Как ты думаешь, какая у нашей мамы главная цель в жизни?

— Закончить свою книгу? — предположил Генри. У их матери была тайная мечта, своего рода пунктик, составить